

Ольга Морозова
Цветок папоротника

Ольга Морозова
Цветок папоротника

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30081561
ISBN 9785448303999*

Аннотация

Куда может завести страсть? Возможно, туда, откуда уже нет возврата... Страсть способна открыть такие тайники души, которые лучше держать наглухо закрытыми...

Цветок папоротника

Ольга Морозова

*Тебе не уйти от Меня,
Я это тебе не позволю,
Теперь ты навеки моя,
Теперь преисподняя дом твой.*

© Ольга Морозова, 2018

ISBN 978-5-4483-0399-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ульяна примеряла перед зеркалом новую блузку, попутно любуясь своим отражением. Все-таки правду говорят в деревне, что она чудо как хороша! Народ зря болтать не будет. Вот и парни за ней по пятам ходят, и не только свои. Яков из соседней деревни даже свататься приезжал, но она отказала. Ульяна наклонила голову к плечу и вздохнула. Она Гришу любит. Он хоть и не красавец вовсе, но как посмотрит, сердце так и начинает колотиться, словно выпрыгнуть хочет, и в жар бросает. И он ее любит, это Ульяна твердо знает. Сам сказал прошлой зимой, когда Новый Год отмечать собирались. Подкараулил ее в сених, обнял своими ручищами и приник к губам. А она сомлела, растаяла, даже воспроти-

виться не смогла, хоть бы для приличия. Так и застыла, пока он сам не отпустил. С тех пор они и встречаются. Осенью свадьбу играть собрались.

Ульяна посмотрела голубыми глазами в глаза своему отражению, и улыбнулась, тряхнув соломенными распущенными волосами. Высокая полная грудь колыхнулась в глубоком вырезе блузки, Ульяна надела красные бусы, чтобы подчеркнуть белизну кожи. Конечно, она не одна такая раскрасавица в деревне, есть еще Галина. У той тоже кавалеров пруд пруди, хоть взгляд и злой, а сама насмешливая, резкая, за словом в карман не лезет. В отличие от Ульяны, Галина чернявая, глаза черные, как бездонные омуты, того и гляди упадешь туда, и не возвратишься. В деревне ее немного побаиваются, вроде как ведьмой считают. Но Ульяна смеется над этими предрассудками. Галина – ведьма?! Да Боже упаси! Обыкновенная склочная девка. Не позавидуешь ее будущему мужу, если таковой отыщется. Хотя Ульяна всем сердцем желала, чтобы он поскорее отыскался. Знала она, что Галина тоже к Грише равнодушна. Поговаривали, что еще до Ульяны они встречались, и любовь у них была, но потом расстались, якобы из-за Ульяны. Гриша-то ее старше на 7 лет, поэтому, когда он в женихах ходил, она еще девчонкой была. Но разве она виновата, что у них там не сложилось? Раз сразу не женился, значит, не особенно и хотел. А Галина теперь, хоть и приветлива с ней на первый взгляд, но иногда исподтишка как полоснет глазами, словно ножом.

Ульяне в такие моменты страшно становится, хочется убежать и спрятаться. Но она не подает виду, и Грише не жалуется. Да и что она скажет? Что Галина посмотрела недобро? Как бы чего не вышло? Он только посмеется над ее девичьими глупостями. Не запретишь же Галине смотреть на нее? И глаза выкалывать не будешь... Приходится мириться.

А тут недавно к Галине военный из города захаживать начал, она повеселела немного, и у Ульяны отлегло от сердца. Может, все и наладится? Она вовсе не желает зла Галине. Наоборот, пусть будет счастлива, и ей так спокойнее. Счастливого человека на подлости не тянет. Ульяна надела юбку и красные туфельки. Завтра, 7 июля, праздник Ивана Купалы, и она хотела вызвать восхищение и зависть подруг. И все для него, для Гриши, чтобы понял, каким сокровищем он обладает. Завтра они с Гришей, взявшись за руки, прыгнут через купалец, и скрепят свой союз невидимой нитью. Костер обычно разводили невысоким, чтобы легко было прыгать, и Ульяне до смерти хотелось испытать судьбу. Она, собственно, не верила ни во что такое, но кто его знает...

Праздник обещает быть веселым и шумным, народу много соберется – вся молодежь из их деревни, и соседние придут. Парни на Ульяну заглядываться будут, это и хорошо – пусть Гриша немного поревнует. Уж она-то одна не останется. А о том, как она присохла к нему, Ульяна будет молчать. Разве можно такое говорить парню? Сразу интерес потеряет, если поймет, что она вся его с потрохами навеки. Утечет, как

от Галины утек. Разве мало красивых да умных вокруг? Да и на их деревне свет клином не сошелся. Ульяна покрутилась перед зеркалом, провела руками по тонкой талии и крутым бедрам, сжала ладонями грудь. Скорее бы уж... Надоело в девках ходить. Но она до свадьбы ни-ни... бережет самое дорогое – свою девичью честь. Если и это мужу не оставить, тогда что же? Разве тогда он сможет почувствовать, что она его и только его? Пускай оценит, что берегла, хранила... Да и потом пригодиться, жизнь длинная, много чего случиться может. Вдруг уходить соберется? А она и бросит в лицо, что мол, всю себя тебе отдала, тобой одним жила, девичью честь тебе подарила, а ты... Глядишь, подумает, и останется. Такое, говорят, не забывается. А там дети пойдут, заботы, некогда о глупостях думать будет. Хотя мужскую психологию Ульяна подчас понимала с трудом. Разве этих парней разберешь? Сегодня одной на ушко слова ласковые шепчут, уговаривают, в вечной любви клянутся, а завтра, смотришь, уже другой подмигивают. Сама Ульяна в вечную любовь не верила, и к мужским клятвам относилась настороженно. Поэтому и старалась держать Гришу в напряжении, чтобы не вообразал. Она сняла одежду, оторвавшись от своего отражения, и аккуратно сложила ее на стул. Завтра наденет. А сейчас поздно, спать пора. Ульяна накинула на себя простенькую ночную рубашку, и прыгнула в мягкую постель. Голова ее коснулась подушки, в нос ударили запахи луговых трав, остывающих после знойного дня, и она усну-

ла, сохранив на розовом личике выражение задумчивости, смешанное с озабоченностью.

Спала Ульяна до обеда, благо был выходной. Позавтракала свежим молоком с хлебом, и пошла на речку. Ее подруга, Светка, уже была там.

– Что-то долго спишь, подруга. – Светка растянулась на траве, блаженно закатив глаза.

– Выходной ведь... – Ульяна работала в конторе бухгалтером. – А ты как здесь?

– Аппараты доильные сломались, мастер пришел, делает, а я сюда сбежала – жара, искупаться хочется. Придешь сегодня вечером?

– Конечно. А ты?

– Ну как без меня?! – Светка захохотала. – Как такое мимо меня пройдет? Ты и папоротник искать пойдешь?

– Да ну тебя! – Ульяна махнула рукой. – И ты туда же! Повеселимся просто. Галина придет?

– Придет, неужели останется. Ревнуешь? К ней же лейтенант ходит.

– Язык у тебя, Светка, без костей! – Ульяна отвернулась, обиженная.

Светка примирительно обняла ее плечи.

– Да шучу я, дурочка! Все знают, как Гришка тебя любит! Он про эту Галку и думать забыл, присушила ты его!

Ульяна стряхнула ее руку с плеча, но настроение испортилось. Светка встала с травы, собрала волосы и оделась.

– Ладно, пойду. Еще прогул запишут. До вечера.

– Пока. – Ульяна разделась и вошла в воду. Зря она так резко отреагировала. Вот и Светка обиделась. А что случилось-то? Галину упомянула! Негоже все-таки от нее как черт от ладана бегать, Ульяна ведь не маленькая.

Она перевернулась на спину и подставила лицо полуденному солнцу. Спина ее, опущенная в воду, ощущала на себе холодное течение, несмотря на жару, лицо же обжигали раскаленные прямые лучи. Ульяна закрыла глаза и почти сразу испугалась. Будто в другом мире оказалась – что-то непонятное касалось ее то ли руками, то ли щупальцами, обволакивало и пыталось утащить за собой. Перед глазами стояла непроницаемая тьма, и Ульяна поспешила их распахнуть. Мир снова вернулся на свое место и расцвел яркими красками. Ульяна радостно и облегченно рассмеялась. Глупая она все-таки! Выдумщица и трусиха! Она окунулась с головой и поплыла к берегу.

На берегу блаженно растянулась на траве, зажмурила глаза. Теперь, на земле было не страшно, а очень даже приятно. Она полежала немного, пока не обсохла, и пошла домой – отдохнуть до вечера и привести себя в порядок. Мать вообще-то просила на огороде помочь, но Ульяна с ним возиться не любила, руки потом три часа отмывать придется, а под ногтями так серо и останется. У Галины вон руки белые, ухоженные, с маникюром, и огород в порядке, и скотина... и как только ей это удастся? Может, и правду говорят, ведь-

ма? А по ночам черти ей землю пашут?

Матери дома не было, и Ульяна прошмыгнула к себе в комнату. Дом у них богатый, двухэтажный. Отец не пьет, работающий, все в дом тащит. Как говорится, полная чаша. В дочери души не чаёт – все для Улечки, для доченьки любимой. И наряды, и образование. Пусть ни в чем нужды не знает. Мать иногда ругается – разбаловал девчонку! Но потом рукой махнет, да пусть гуляет, пока молодая. Тем более, не бездельница ведь, работает, получку в дом несет. А если невмоготу, отец работников наймет, по хозяйству помочь. Многие в деревне завидуют им. А что завидовать? Работали бы лучше, то же самое бы имели! А то, как ни мужик, так стакан мимо себя не пропустит, а на выходные так в лежку лежат. А отец капли лишней в рот не возьмет – ни-ни! В будни в поле да на конюшне, в выходные на рынке. Когда тут пить? Да он и не любитель. Вечером иногда с матерью сядут на крыльце, обнимутся, да и запоют. Любо дорого на них смотреть. И Ульяна радуется – хорошая семья у них, крепкая. Поговаривают, правда, хоть сама она и не слышала, что это из-за ее богатства Гриша к ней сватается, но Ульяна даже думать об этом не хочет – разве она уродина или калека какая? Слава Богу, красотой не обижена, да и умом вроде тоже.

Ульяна бросила взгляд на часы. Скоро Гриша придет. Она села перед зеркалом подкрасить лицо. Ульяна много косметики не любила. В ее-то годы можно и так обходиться. Мазнула тушью ресницы, подкрасила губы. Пожалуй, хватит.

Надела со вчерашнего вечера приготовленный наряд, покрутилась, придиричиво осматривая себя со всех сторон. Прямо барышня-крестьянка! Услышала на улице разговор и сердце дернулось – Гриша!

Выбежала на крыльцо, зардевшись от удовольствия, поймала Гришин восхищенный взгляд, и стыдливо опустила глаза. Гриша о чем-то беседовал с матерью, они замолчали, как только увидели Ульяну, и та грешным делом подумала – уж не о свадьбе ли? Мать улыбнулась дочери:

– Что же ты, доченька, кавалера не встречаешь? Битый час тебя у ворот дожидается!

– Не правда, мама! Мы же договорились...

– Правда, правда, там за воротами на лавке сидел, еле уговорила во двор зайти. Скромный он у тебя!

– Гриша! – Ульяна укоризненно посмотрела на парня. – Чего в дом-то не идешь?

Парень замялся.

– Договорились же в 9, да я пораньше. Неудобно, вроде... Вдруг занята? Посидел, покурил... Идем?

– Пошли. – Ульяна взяла его под руку, втайне гордясь их близостью, и они пошли в сторону леса.

Мать задумчиво смотрела им вслед, улыбка сошла с ее лица, уступив место легкой озабоченности.

На обширной поляне собралась толпа молодежи. Галину Ульяна заметила издалека. Она стояла немного поодаль, бе-

седуя с красивым парнем, по всей видимости, не из их деревни. Парень балагурил, явно пытаясь произвести впечатление, Галина же отвернула лицо в сторону, всем видом показывая, что парень ей неинтересен. Но когда она, в свою очередь, заметила Ульяну с Гришей, повернулась к собеседнику, заулыбалась, засмеялась даже, обнажив ряд белоснежных ровных зубов. Лицемерка! Ульяна почувствовала раздражение. К тому же ей показалось, что Гриша, увидев бывшую возлюбленную, помрачнел.

Тут к ним подскочила Светка и затеребила Ульяну за рукав:

– Улька! Наконец-то! Я тут заждалась! – она буквально вырвала Ульяну из Гришиных рук и затараторила:

– Слушай, подруга! Вчера Витька комбайнер ко мне так и клеился, так и клеился! – Светка засмеялась. – Вы пойдете, Светлана, завтра на праздник? – она так смешно передразнила Витьку, что Ульяна тоже невольно улыбнулась.

Гриша помахал рукой парням и пошел поздороваться.

– С кем это Галина? – спросила Ульяна.

Светка обернулась.

– А я почему знаю? Не из наших, факт. Да что она тебе далась?! Какая разница?

– Да я просто... – Ульяне стало неудобно, что она так много обращает внимания на Галину. – Когда начинаем?

– Сейчас стемнеет. Костер уже горит.

Девушки подошли к костру. Поленьев было немного, что-

бы удобно прыгать. К ним подошел Гриша и обнял Ульяну. У нее отлегло от сердца. И что это, правда, она такая? Неспкойная. Ревнует без повода. Веселиться надо, праздник ведь! К ним подошли еще парни и девчата, схватили их за руки, растащили в разные стороны, закружили в хороводе. Откуда-то появилось вино и стаканы, шумно разлили, выплескивая темно-красные капли на траву, выпили. Веселье набирало обороты. У Ульяны закружилась голова, стало легко и радостно. Лица вокруг нравились ей, она с интересом рассматривала новых парней, забыв на мгновение о Грише. Господи, хорошо-то как! Гришина рука снова нашла ее запястье, и сжала. Ульяна обратила к нему свое разгоряченное лицо с капельками пота на верхней губе и засмеялась:

– Здорово, весело, правда? Пойдем к костру! – Она схватила Гришу за руку и потянула в сторону, где разгорались поленья.

Купалец был невысок и тих. Первые храбрецы уже начали прыжки, и над костром стоял визг и хохот. Прыгнула Светка, едва не задев подолом юбки пламя, но обошлось. Раздались хлопки.

– Быть тебе с мужем в этом году! Смотри, не упusti суженого! – кричали ей со всех сторон.

Потом еще кто-то прыгал, и парами и поодиночке. Ульяна посмотрела на Гришу.

– Прыгнем?

Он пожал плечами.

– Если ты хочешь...

– — Хочу, хочу! – Ульяна запрыгала на месте и захлопала в ладоши.

Они разбежались и подпрыгнули в воздух, как можно выше, чтобы птицами перелететь над пламенем. Но в этот момент порыв ветра подхватил огонь, красно-желтое огненное щупальце взметнулось в высоту, схватилось за подол Ульяниной юбки и низ Гришиных холщовых брюк. Когда они приземлились, к ним кинулись люди, стали тушить невесть откуда взявшимися полотенцами, кто-то даже умудрился вылить ведро воды. «Ох, и не к добру это! Не быть свадьбе!» – мелькнуло у Ульяны в голове, но Светка уже подскочила к ней со смехом и шутками:

– Никак подруга вас сам Иван Купала отметил?

– Что болтаешь! – Ульяна чуть не плакала. – Плохая примета!

– Да дурь не говори! В огне страсти гореть будете всю жизнь!

Ульяна немного успокоилась. А что если права Светка? И будут они всю жизнь любить друг друга, как в первую ночь? Вместе же их пламя задело... вместе и гореть будут. А с милым она готова хоть на костер...

– Ну, успокоилась? Пойдемте купаться! Вода, как парное молоко! – Светка побежала вперед, мелькая в темноте белыми полными икрами, и Ульяна с Гришей побежали за ней.

На берегу они с Гришей разделились, парни купались в од-

ной стороне, а девушки в другой. Приличия соблюдали, хотя многие уже давно все запреты нарушили. Невдалеке мелькнула Галина, в белой вышитой блузке, но Ульяна не обратила на нее внимания. Светка разделась совсем, бесстыдно выставив напоказ большие, уже слегка отвисшие груди и круглый живот, а Ульяна колебалась.

– Ты чего, Уль, стоишь? Не будешь купаться? Давай, давай, скромница! Темно ведь, хоть глаз выколи! Сам черт сейчас тебя не различит, ну!

Ульяна поддалась общему настроению и скинула одежду. И впрямь, красота! Чего ей стесняться? Да и темно уже... Они со Светкой зашли в воду, теплую и черную, и Ульяна поплыла. Вода приятно остужала тело, обволакивая кожу нежно и бережно. Ульяна застыла на месте, озираясь по сторонам. Совсем рядом слышались тихие смешки и шепот, чмокания, удары рук по воде, смех. Ульяне показалось, что кто-то обнял ее, погладил по бедрам и животу. Она не противилась, сейчас все можно. Этот кто-то был так ласков и так осторожно ее касался, что Ульяна совсем не испугалась. Даже, если это не Гриша... Хотя ей очень хотелось, чтобы это был он. Но от прикосновений ничего страшного не случиться, никто не узнает. Совсем никто... В какой-то миг Ульяна готова была позволить таинственному партнеру большее, чем просто касания, она опустила руку в низ, но там было пусто. Ульяна разочарованно повернулась вокруг своей оси – возле нее никого не было. Она слишком далеко уплыла, или

ее отнесло течением. Крики и шум доносились от берега, очевидно, что основное веселье шло там. «Вот дурочка! – Ульяна посмеялась над собой. – Водоросли за парня приняла, расслабилась! Берите меня всю! Идиотка!» – и она поплыла к берегу, усиленно махая руками.

Опять змеею вползла ядовитая мысль, что Гриша мог вот так же гладить в воде Галину... Ульяна завернулась в простыню, поискала глазами Гришу или Светку на худой конец. Гриши не было, но Светка была здесь. Она уже оделась и причесывала волосы. Волосы у Светки длинные, густые, цвета спелой ржи, она ими очень гордилась.

– Ну, как? Хорошо? – Светка повернула к Ульяне голову, держа во рту шпильки.

– Да. Гришу не видела?

– Он тебя искал. Где ты так долго была?

– Уплыла далеко, даже сама не заметила. Течение что ли отнесло? Немного страшно стало... будто кто-то за руку брал...

– Ух, ты! Уж не водяной ли? Ему сегодня можно девок щупать. – Светка потянулась. – Хоть бы кто меня пощупал! Даже бы и водяной. Стосковалась я что-то...

– Дурочка! Замуж выйди сначала, муж щупать будет. Так где Гриша-то?

– Да здесь был. Цветок папоротника собирался искать. До утра, говорит, поищу.

– Цветок папоротника? – Ульяна прыснула. – Он, часом,

не пьян?

– Да вроде нет. Если чуть-чуть.. А ты сама трезвая что-ли?

– Трезвая. А Галина где?

– За деревом с ухажером обнималась. Я что, слежу за ней?

Ревнивая же ты все-таки, Улька! Ночь такая! Только о любви и думать нужно, а она все о своем – где Галина, да где Галина! Папоротник свой ищет, вот где! И ты бы пошла, совсем Гришку истомила, поди.

Ульяна оделась, отжала волосы и заплела косу.

– Ладно, не бери в голову, пойдём к костру. Песен попоем.

Светка взяла Ульяну под руку, и они пошли.

– Странная, ты, Улька! Старомодная какая-то!

– Какая есть, мое дело!

– Дело то твое, но тогда не обижайся, Гришка мужик взрослый, долго ждать не будет.

– Не лезь, сама разберусь! Я твоих советов не спрашивала.

Тебе что, поговорить не о чем?

– Буду молчать. – Светка обиженно примолкла.

Девушки сели возле костра, кто-то чистым голосом затянул песню, они подхватили, потом еще. Парочки начали подниматься и уходить в темноту, разбредаться кто куда. Гриши не было, и Ульяне стало тревожно. Где он? Светка положила голову ей на плечо, вздохнула.

– Не сердись, Ульяша. Это я от злости. Несчастливая я.

– И в чем же твое несчастье? Витька вон сватается...

– Да коли бы я знала сама! Хочется чего-то, а чего, сама

не пойму. Уеду я.

– Куда?

– В город. Учиться хочу. Надоело коровам хвосты крутить.

– Да кому ты нужна в городе-то?

– Может, там мое счастье бродит?

Глупая ты. Витька твое счастье. Я то вижу, как он на тебя смотрит... Любит...

Светка ничего не ответила, прижалась к Ульяне теснее, повздохала.

Костер догорал, почти все разошлись. Начинало светать. Ульяна поднялась с бревна.

– Пойду я, Свет. Устала. А ты? – Краем глаза она заметила маячившего невдалеке Витьку. – Посиди, если хочешь.

– Да уж посижу, домой больно неохота. Вить, ты чего там? Иди сюда! – Света махнула рукой, и парень бросился к ним.

– Пока! – Ульяна помахала им рукой и зашагала домой. Завтра выяснит, где Гриша был. Настроение у нее испортилось, уступив место тревоге и озабоченности. Светкины слова, о том, что Гриша долго ждать не будет, запали в душу. А вдруг, и правда, не будет? Но мысль отмела – чувствовала, что будет, будет ждать. И само это ожидание так же сладостно для него, как и для нее. Понимала, так же он томиться ночами, как и она, и сны такие же видит... срамные, горячие, от которых утром в краску бросает. То ценится, что с трудом достается, что выстрадано, вымолено долгим терпением. И,

конечно, Светка, дура, не права... никуда он не денется, пока своего не получит. А получит он это только после хмельной свадебной гулянки и залихватских криков «Горько!», сопровождающихся нетерпеливыми поцелуями жаждущих остаться наедине молодоженов. Ульяна зашла в дом, тихо пробралась к себе и легла на мягкую кровать. Несмотря на беспокойство, сон пришел быстро, Ульяна разметала по подушке светлые волосы, укрылась одеялом и тихонько почмокала во сне губами.

Утром Ульяну разбудили крики и настойчивый стук в окно. Она подумала – Гриша пришел, извиниться хочет, что оставил ее вчера одну. Ульяна спрыгнула с кровати, накинула халат и раздвинула занавески. Прямо на нее уставилось лицо Светки с безумными глазами. Ульяна открыла окно.

– Чего тебе? В такую рань подняла... – со стороны реки стелился серебристый туман, и было прохладно. Ульяна поежилась.

– Господи! Улька! – Светка не могла отдышаться от волнения и быстрой ходьбы. – Там у реки, Галину нашли!

Ульяна сразу не поняла, о чем это она?

– Что значит нашли? Да скажи ты толком! – она вдруг рассердилась на Светку за ее дурацкие выкрики.

– Мертвую! Утонула! Галина утонула! Господи, помилуй!

– Как утонула? Она же плавает хорошо...

– Сама не знаю, лежит на берегу, не дышит. Голая совсем,

срам-то какой...

– Кто нашел-то?

– Мальчишки с утра на рыбалку пошли подальше того места, где вчера костер жгли, а она у самого берега лежит в воде, волосами за корягу зацепилась. Поэтому, наверное, и не унесло течением.

– Господи! Ужас какой...

– Пойдем на берег, там вся деревня уже собралась, участковый тоже там, говорят, следователя из города вызвали.

– А что я там делать-то буду? Я покойников боюсь. Гриша там?

– Нет его, пойдем, послушаем, что говорят.

– Ладно, оденусь только. – Ульяна вдруг подумала, что стоит послушать, о чем в деревне шепчутся. Вдруг, что интересное услышит.

Около реки уже собралась толпа. Говорили тихо, стараясь не шуметь – смерть вызывала уважение. Тело накрыли, и потому, что оно было накрыто полностью, Ульяна поняла, что это окончательно и бесповоротно. В глубине души шевельнулось что-то вроде жалости к Галине, ставшей вдруг совершенно не опасной и не красивой, а, строго говоря, вообще никакой. Просто телом, которое через три дня зароят в землю, а вскоре и вовсе забудут. Ужасно умереть такой молодой. Ульяна содрогнулась. Рядом с телом голосила мать Галины, оплакивая безвременно ушедшую дочь, грозила кому-то ку-

лаком, бросалась на грязный кусок ткани, скрывавшей тело. Мать у Галины больная, работать толком не может, отец пару лет назад сгорел от водки. Галина у матери единственная опора, с ней она все свои надежды связывала. Совсем одна теперь останется... Ульяна вперила в землю неподвижный взгляд. Тяжко ей стало, душно. Расстегнула ворот платья, повернулась и пошла назад. Надо к Грише зайти.

Возле Гришиного дома остановилась, замешкалась. Вдруг его нет еще? Что матери сказать?

Клавдия, Гришина мать, сидела у порога. Увидев Ульяну, встала, пошла навстречу.

– Уленька! Что происходит-то там? Куда все бегут?

Ульяна махнула рукой.

– Галина утонула. Утром на берегу нашли...

Клавдия закрыла рукой открывшийся рот.

– Господи! Что ты говоришь! Утонула! Горе-то какое! Господи! Так ты сама ее видела?

– Видела. Накрыли уже... Участковый там, следователя вызвали из города. Теть Клав, а Гриша дома?

– Спит. В аккурат утром пришел. Я спала, не слышала. Встала скотину кормить, смотрю, он на сеновале спит. Разбудить?

– Нет. Не нужно. Я попозже зайду.

– Хорошо, Улечка, как знаешь... – Клавдия качала головой. – Ну надо же! Галина!

Ульяну ее причитания раздражали: «Как убивается-то!

Будто родственницу потеряла! Неужели у них с Гришей так серьезно было? Может, она и свадьбы нашей не хочет?» Ну, тут уж дудки! Ульяне все равно, кто там на что рассчитывал, она своего счастья не упустит, тем более, теперь. Похороны пройдут, все и успокоится. Выпила лишнего, небось, да купаться пошла. А там течение холодное, ногу свело, или сердце схватило... кто теперь разберет?

Ульяна пошла домой. Мать накрыла на веранде стол для завтрака. Ульяна села, налила молока, отрезала свежего хлеба по своему обыкновению. Подняла на мать глаза:

– Новость слышала?

– Соседка сказала. Ужас, да и только! Что люди-то говорят?

Ульяна пожала плечами.

– Да ничего... шепчутся только, шепчутся, а о чем, не разберешь. А что шептаться-то? Праздник был, выпили, купались... Кто там, в темноте, увидит? Может, это нечисть ее заморочила? Русалка или водяной? – пришла к Ульяне вдруг спасительная мысль.

Мать ласково потрепала ее по голове.

– Ну и дурочка же ты у меня! Сколько здесь живу, а про нечисть не слышала. Тем более, чтобы она кого-нибудь топила!

– Вчера же Иван Купала был. Забыла?

– Ничего я не забыла. Вроде еще пока не древняя старуха, чтобы утром забыть, что вечером было. Не нечисти дочень-

ка, бояться нужно – людей.

– Людей? Ты что-то знаешь?

– Да нет, соседка что-то болтала, вроде у нее на шее синяки были. Вроде, как пальцы... Задушили значит...

Ульяна чуть не поперхнулась молоком.

– Задушили? Вот это новость!

– Да это я так, сплетни все пока, слухи... Толком никто не знает. А вон и твоя всезнайка идет! Спроси-ка у нее! – Ульяна проследила за взглядом матери и увидела Светку, входящую в калитку.

– Садись, охлони! Молока выпей. Что там?

Светка тяжело плюхнулась на стул. Посидела, отдуваясь, махая на себя руками. Залпом выпила кружку молока, бросила в рот кусок хлеба.

– Увезли. Вскрытие делать будут. В городе. Мать с ними поехала. Жалко тетю Надю! Как она теперь, без Галки?

– Так она утонула? – Ульяна пристально уставилась на Светку.

– Не знаю, она накрытая была. Говорят, задушили, а потом в воду бросили. Синяки вроде на шее. Господи, прямо шекспировские страсти! Гришку видела?

– Нет. Спит он, дома. Я будить не стала. Потом схожу, к вечеру.

– Ладно, сидите, мне на работу пора. Ты в контору пойдешь?

Ульяна вдруг вспомнила, что сегодня рабочий день. По-

смотрела на часы – чуть не опоздала, забыла совсем. Будто смерть Галины освободила ее от работы. Вытерла губы, встала из-за стола, наскоро, на ходу прибрала волосы, и направилась в контору. Небось, простят опоздание, не каждый раз у них люди тонут...

В конторе было тихо. Ульяна прошмыгнула в свою комнату и уселась за стол. Достала бумаги, попробовала считать. Цифры перед глазами сливались, она путалась, постоянно сбивалась, опять начинала все пересчитывать. В конце концов, с отвращением отодвинула бумаги в сторону – никуда эта работа не денется, срочного ничего нет, а то, что есть и потом сделать можно. Подперла подбородок кулаком и задумалась – вот ведь как в жизни бывает. Был человек, и нет человека. Думал о чем-то, страдал, хотел чего-то, и все это пшик оказался. Кому теперь его чаяния нужны? Канул в бездну, как и вовсе не существовал... Неужели со всеми так происходит? С кем раньше, с кем позже... Да и есть ли разница, когда перед Богом предстать? Год плюс, год минус... Все едино. Дверь скрипнула, и Ульяна вздрогнула, подняла глаза. Это был их председатель, Иван Демьяныч. Он удивленно уставился на Ульяну, словно привидение увидел.

– Уля? Ты здесь?

– А где же мне быть? Рабочий день ведь...

– Да, конечно... – Демьяныч потоптался на месте, словно соображая о чем-то, – ты вот что, Уля... У тебя, кстати, срочное что есть?

– Да нет. – Ульяна пожала плечами. – Ничего.

– Вот и отлично. Ты иди домой, Уля, я тебя на сегодня отпускаю. День такой... Иди... Следователь сейчас придет, поговорить надо.

– Как скажете. – Ульяна не заставила себя ждать. – Я пойду. – Она взяла сумочку со спинки стула, повесила на плечо.

Демьяныч задумчиво смотрел ей вслед, потом окликнул:

– Уль, стой! Ты на празднике была вчера?

– Да. – Ульяна обернулась. – Там все были.

– И Галина?

– И Галина. Что это вы, Иван Демьяныч, глупости спрашиваете, сами ведь все знаете. Где же ей быть, как не там, разве она упустит?

– Да, да... ты сама ее видела?

– Конечно, сама. Она там с ухажером беседовала. Не из наших. Кто, не знаю. Еще вопросы есть?

– Нет. Иди.

Ульяна вышла на улицу и вздохнула с облегчением. Хорошо, что ушла. Какая сейчас работа? Она хоть Галину и недолюбливала, но никто не скажет, что они ругались, или еще что... Подругами, естественно, не были, но и врагами их не назовешь. Тем более, то, что у них с Гришей было, прошло давно, до нее еще. Ульяна немного повеселела. Все хорошо будет, они с Гришей поженятся, детей заведут, и заживут! Другим на зависть. Работа у Гриши хорошая, денежная, мастером в леспромхозе. Его уважают, слушаются, несмот-

ря на молодость. Он как институт закончил, опять в родные места вернулся, не прижился в городе. И она, как образование в техникуме получила, тоже сюда. Скучно ей вдали от родных, неуютно. Тут они и встретились уже серьезно, повзрослому. По-другому друг на друга посмотрели. Выходит, не зря оба вернулись, счастье свое нашли.

Перед домом Гриши Ульяна замешкалась, словно испугалась чего-то. Мысль идиотская посетила – а где он сам-то был? Утром пришел... Папоротник искал... Чудно...

Калитка была открыта, Ульяна вошла. Во дворе было пусто, только собака вылезла из будки, лениво твякнула, потом вильнула хвостом, и снова удалилась в будку – на жаре службу нести не хотелось. Опять же Ульяна своя, не чужая, так чего зря шум поднимать?

Ульяна прошла в дом. Гриша сидел за столом. Ульяна еще с порога заметила – мрачнее тучи. Подошла, села рядом на табуретку.

– Привет!

Гриша поднял глаза, мутные, красные, сразу видно, не в себе человек. Дыхнул на Ульяну перегаром.

– Здорово, коли не шутишь.

– Пьешь?

– Галку поминаю.

– Мне налей, — Ульяна достала стопку из буфета, подставила. Гриша плеснул ей на доньшко. Ульяна зажмурилась,

выпила. В горле перехватило, слезы из глаз полились. — Ох, и крепкая!

— Мать делает. Что в конторе говорят?

— Ничего. Демьяныч следователя ждет. А где мать у тебя?

— В город поехала, Надежде помочь... Та совсем плохая, куда ее одну отпускать. А мать все равно свободна.

Ульяна замешкалась, спросить или уж не спрашивать, где вчера был? Что она, следователь? А с другой стороны Гриша ведь жених ей...

— Гриш, Светка вчера сказала, ты папоротник искать пошел... Неужто правда? Я как искупалась, вышла, а тебя нет. Искала, искала... Где пропал-то? Так домой и пришлось одной идти.

— Дошла?

— Да, как видишь... — Ульяна неприятно поразила его грубости. Странно... Гриша всегда обходительный такой, вежливый, стеснительный даже, а тут... злость в голосе, раздражение...

— Вот и слава Богу. А где я был, там меня уже нет.

— Загадками говоришь. Трудно просто сказать?

— Да нечего говорить, не приставай. Захочу, сам расскажу.

— Есть что рассказывать?

— Может, и есть, а может, и нет. Сказал, не лезь!

Ульяна притихла, обиженная. Гриша стопку в рот опрокинул, не закусил даже.

— Следователь у меня был.

– У тебя?! Что ему от тебя-то надо?

– Того же. Глупая, не соображаешь?! И к тебе придет, и ко всем. Про Галку спрашивал, что же еще?

– А что спрашивал-то?

– Видел, не видел... С кем, почему? Следак, он и есть следак. Вынюхивает...

– Так ее, правда, того? Задушили? Я думала, она сама...

– Может, и сама... Он ничего не говорил. Вскрытие покажет. Представляешь, вскрытие... Как про консервную банку... – Гриша вытер слезу.

– Тебе ее жалко, что ли? Чего разнюнился?

– Жалко!!! Это тебе никого не жалко, дура! Горя не знаешь, как сыр в масле катаешься, все тебе на блюдечке с голубой каемочкой!

Ульяна заплакала от такой несправедливости. Зачем он так с ней? В чем ее вина? В том, что любит его, больше, чем себя? Может, напрасно она гордячку из себя строит? Обнять бы его, приголубить... она вовсе не безжалостная, ей тоже Галину жаль. По-своему.

Гриша успокоился, взял со стола огурец и захрустел.

– Я ведь до тебя еще встречался с ней, после школы сразу, пока не уехал. Знаешь?

Ульяна кивнула.

– Все серьезно было, не думай. Галка она хорошая, добрая. И по хозяйству, и так...

– И что расстались? – теперь Ульяна хотела дослушать

до конца. Пусть выговориться, снимет камень с души, авось, легче будет. Глупо к покойнице ревновать.

– Как-то вышло все по-дурачки. Я в институт поступил, она здесь осталась, хозяйство разве бросишь? Мать у нее больная, сама знаешь. Галка в город ко мне приезжала, в общежитие. Иногда я комнату снимал в выходные на окраине, мы там встречались. У нее и ключ был... Как-то я задержался, а она приехать должна была. Ну, и сразу туда пошла, мы заранее договорились. Я вечером пришел, а она и сынок хозяйский на кровати, голые... На столе закуска и бутылка, конфеты... Сынок ослабил так нехорошо, усмехнулся, с кровати встал, оделся и вышел, дверью хлопнув. Галина лежать осталась... Я за ним, убить хотел, да духу не хватило... До остановки дошел и в общежитие поехал, напился до чертиков... Утром на занятия не пошел, лежал, скрутило меня всего... А тут и Галина заявила, помятая вся, опухшая... «Куда пропал вчера? – спрашивает, – я ждала, ждала, уснула даже, проснулась, утро, тебя нет...» Я подумал, издевается. Стыд совсем потеряла, шалава. Уставился на нее, ничего не понимаю. А она смотрит глазами невинными, ресницами хлопает, словно кукла какая. Я молчу, она опять то же спрашивает. Не выдержал я, выдал ей все, что думал о ней – и про нее, и про сыночка хозяйского. Она выслушала, разрыдалась... Говорит, не помнит ничего. Пришел он в комнату, где Галина меня ждала, шутит, расспрашивает... Сказал, что день рождения у него сегодня, а все друзья раз-

бежались, даже бутылочку распить не с кем. Вроде как уговорил Галину по рюмочке за компанию, пока меня нет выпить. Она согласилась, а что отказываться? Выпили, съели по конфетке, а потом она ничего не помнит, ни как в постели оказалась, ничего... Клянется, ничего не было, вроде как обрывки всплывают в памяти, не смог он... Хотя, откуда она знает, если в беспамятстве была? Врала, стерва... Дальше я разговаривать с ней не стал, вытолкал ее и велел мне на глаза больше не показываться, и матери наказал ее от дома отвадить. Вот такая история. А теперь я думаю, а может, он опол ее чем? Ну, подсыпал чего-нибудь в рюмку? Может, напрасно я тогда? А? Хотя все равно бы простить не смог, даже если и так... Долго потом эта кровать у меня перед глазами стояла... – Гриша снова опрокинул стопку в рот. – А потом тебя встретил, снова жить захотелось...

– Гриша... – Ульяна готова была снова расплакаться, – любимый... прости, мне, правда, Галку жаль. Я зла на нее не держу, не думай...

– Тебе-то чего на нее злиться? Скорее уж у нее повод есть для злости.

– Она все еще любила тебя? Откуда знаешь? К ней лейтенант сватался, Светка сказала...

– Да не знаю я, разлюбила, наверное, не ты же меня отбила... но так, парой слов перебрасывались, спрашивала все, как у нас с тобой? Счастлив ли?

– А ты что? – У Ульяны замерло сердце. – Что ей отвечал?

– Нормально все, свадьба скоро... А она смеялась.

– Смеялась? Не верила, что у нас свадьба будет?

– Не знаю, верила – не верила... У нее теперь не спросишь... Иди домой, Уля, потом встретимся. Один побыть хочу.

– Ладно. Пойду. – Ульяна взяла сумочку.

Гриша вдруг поднял на нее мутные от самогона глаза.

– Я еще кое-что следователю сказал... Про то только я знаю. Парень, что рядом с ней стоял, тот сынок хозяйский из города был...

– Сынок? – Ульяна оторопело уставилась на Гришу. – С чего ты взял?

– Я его рожу теперь век не забуду. Все время перед глазами стоит, на ощупь узнаю...

– Да что же он делал здесь?

– Я не знаю!!! Пусть следователь думает. Ему за это деньги платят. Все, иди, сказал!

Ульяна поспешно вышла, ей и самой оставаться не хотелось. Гришины откровения ее покоробили слегка. Может, и к лучшему, что Галина утонула? Чувствовала она, что не просто так она на Гришу да на нее зыркает. Смеялась... Что смешного? Задумала, небось, стерва, что-то... Гришину любовь вернуть захотела. Нет, не смирилась Галина с потерей. Такие всю жизнь не смиряются. Если что захватили, так уже не отпустят. Опасно было рядом с ней жить, все равно бы жизнь им порушила. Не сейчас, так потом, попозже,

когда бы схлынули первые восторги. Неустойчивый парень Гриша, колеблющийся... Его крепко в руках держать нужно. А сынок тот что делал здесь? Видела Ульяна, не люб он Галине, женское сердце не обманешь. Для Гриши спектакль устроила, гадина. И ведь удалось, Ульяна заметила, как помрачнел его взгляд, хоть он и скрыть пытался, что неприятно ему. Но Ульяна все подмечает. Скорее бы свадьба уж... И где был Гриша молчит... Странно все... «Неужели это он Галину приревновал?» – шальная мысль промелькнула, испугав Ульяну своей откровенностью.

Дома ее ждал следователь, мужчина средних лет невзрачной наружности. Второй раз встретишь, не узнаешь. Про праздник стал расспрашивать, с кем Галина была, видела ли ее Ульяна возле реки. Ульяна все честно рассказала. Мелькала Галина, видела она ее то там, то сям. То с одним парнем говорила, то с другим. Ульяна только своих знает, да парочку из соседней деревни. Были и незнакомые, которых Ульяна впервые видит. Ничего особенного. А у реки темно было, она и себя-то толком не видела. Следователь все записал подробно, поблагодарил и ушел. Ульяна вздохнула с облегчением – неприятная процедура, что и говорить. Ну, да утро вечера мудренее, успокоиться надо, а там, глядишь, все и наладиться. Не век же Гриша убиваться будет? Да и разнюнился он, скорее всего, от самогона, протрезвеет, тоску как рукой снимет. Уж она-то, Ульяна, постарается. К свадьбе готовиться начнут, хлопоты, все такое... Забудет, как пить дать,

забудет. Ульяна прошла к себе, разделась, улеглась в кровать. Отец заглянул, она глаза прикрыла, сделала вид, что спит. Он потоптался, вздохнул, но будить не стал, вышел, аккуратно прикрыв дверь.

Следователь методично все в деревне обошел, беседовал обстоятельно, подробно, записывал. Но все только руками разводили – не было у Галины явных врагов, да таких, кто бы на такое черное дело пойти решился, грех страшный на душу взять. Мать Галины рассказала потом, что никаких синяков на шее у дочери не было, но умерла от разрыва сердца, а потом уж утонула. Вроде как испугалась сильно. Недоумевали – чего это в деревне можно так уж испугаться? Начали поговаривать, что нечистая сила ее заморочила, недаром, что Галину ведьмой считали. Не угодила небось чем-то своим хозяевам, они ее и напугали, а потом в воду бросили... Но это самые верующие говорили, те же, кто ближе к реалиям были, такой версии не придерживались. Прошло уже пару недель, разговоры сами собой затихать стали. Сколько можно покойнице кости перемывать?

Гриша так в себя до конца и не пришел. Вроде и нормально все, по-прежнему, и смеется, и шутит, так же Ульяну целует, слова на ухо шепчет... а чувствует Ульяна, не то все это. Иногда вдруг уставится в угол, смотрит, смотрит, не мигая, пока не окликнешь его. Вздрыгнет, испуг на мгновение промелькнет в глазах, но быстро себя в руки берет. Ульяна

и так и эдак к нему ластится, в глаза заглядывает, желания угадать пытается, но бестолку все – отдалился Гриша. По ночам плачет Ульяна в подушку, чтобы родители не видели, а утром улыбается. Зачем зря их расстраивать? Да и что она скажет? Что кажется ей? Не поверят они, блажью сочтут. Вот и молчит Ульяна, терпит. Надеется, само все перемелется, мука будет.

И вроде уже совсем все успокоилось, июль заканчивался, Гриша повеселел, и Ульяна воспрянула духом. Снова поверила – все хорошо будет. Дело об утопленнице, поговаривали, закрывать собирались, решили – несчастный случай. Дикий, конечно, но мало ли что... С кем Галина в ту ночь виделась, с кем миловалась, так и не нашли. Надежда, мать Галины, рассказывала, что парня того из города, которого Гриша узнал, подозревают. Пришли к нему, чтобы показания снять, а его нет. Мать руками развела – знать не знает, где сын. Он не особенно разговорчив с ней, уходит – не говорит. Галина в город часто ездила, вроде вместе их видели... Похоже, что отношения поддерживали, несмотря ни на что. Что их связывало? Неужели любовь жертвы к своему мучителю? Да и мучитель ли он? Мало ли что Галина говорила, она еще не то бы сказать могла. Ульяна к разговорам прислушивалась, но на душу не брала. Пусть говорят, что ей с этого? Гришу, кажется, не подозревали, во всяком случае, арестовывать его не собирались. Улик нет, как участковый говорил. Да и в чем его подозревать? Кончилось у них все с Галиной,

много лет назад кончилось. Все это знали, все Гришу с Ульяной видели. Парня в розыск объявили, но до сих пор не нашли. Хотя, скорее всего, искали для проформы – всерьез никто не верил, что это он. Напугал он ее, что ли? Глупости. Уж что-что, а нервы у Галины крепкие. Все это участковый рассказывал, а потом и спрашивать перестали, надоело.

Как сорок дней справили, в начале августа, Гриша и Ульяна заявление подали в поселковый совет. Свадьбу решили играть в начале сентября. Яблоки поспеют, груши, жара спадет. Ульяна как на крыльях летала. Сбылась ее мечта. Плакать в подушку перестала, о другом задумалась. Скоро, совсем скоро закончатся ее одинокие девичьи ночи, и начнется другая жизнь. Женщиной станет Ульяна, молодой и красивой, дитя родит, лучше бы сына. Отцы, ясное дело, сыновей прежде хотят. А потом и дочку можно, помощницу матери. Уплывала Ульяна в своих грезах далеко-далеко, возвращаться не хотелось. Гриша тоже с охотой о свадьбе хлопотал, прикидывал, что да как, сколько гостей будет, что на столы поставить, Ульяна платье шила. Хотела сначала в городе купить, но потом передумала. Сшить, оно лучше будет. Фасон сама придумала, ткань купила, специально с матерью за ней ездили, придирчиво выбирали в магазине, в этот день Ульяне блистать хотелось.

Светка с хлопотами помогала, по магазинам бегала, мелочевку всякую закупала. Заказали русскую тройку для молодоженов в соседнем колхозе, где конеферма была. Машина

это, конечно, хорошо, но захотелось старины, размаха. Чтобы как раньше, в старые добрые времена. Гриша придумал, а Ульяна одобрила, молодец он, ее жених! Хочет, чтобы свадьба необычно прошла, чтобы на всю жизнь память осталась. Для нее, для Ульяны старается.

Светка с Витькой встречаться начала, счастливая ходит. Глядишь, тоже вскорости свадьбу сыграют. Жизнь в деревне наладилась, вернулась в свое русло, потекла, как река на равнине, неспешно и с достоинством.

Так, в хлопотах, лето и прошло, уже кое-где листва желтая появилась. Вечера холодными стали, темными. Платье у Ульяны уже готовое в шкафу висело, она время от времени открывала, смотрела. Трогала тяжелый, плотный шелк, любовалась. Все готово к свадьбе, обо всем договорились. Мать Гриши к сестре в соседнюю деревню собралась после свадьбы, насовсем. Сестра ее хвораая, а недавно инфаркт был, уход нужен постоянный. А дом молодым оставляет, пусть живут, никто мешать не будет. Ульяна радуется, хоть и нехорошо ликовать по поводу чужой болезни, все одно к одному получается. Да и Грише из родного дома уходить не придется. Отец Ульяны с ремонтом помочь обещал, с обстановкой. Что ж не жить так? Хотя, если говорить откровенно, даже если бы мать Гриши не уехала, Ульянины родители могли бы им и свой дом поставить. Но Ульяна полагала, что Гриша тогда бы заупрямился, горд уж больно на этот счет. Все сам, да сам, хотя Ульяна помощи родственников не чуралась. Что

плохого, если им родители на первое время помогут на ноги встать? На то они и родители, чтобы детям помогать. Разве Гриша с Ульяной к своим детям не так же относиться будут?

Но вопрос решился сам собой, и Ульяна эту тему закрыла. Одни, как ни крути, а ежели что, так и подумают потом.

На свадьбу вся деревня собралась, всем молодых поздравить не терпелось. Ульяна красавица-раскрасавица, так и светиться от счастья, ловя восхищенные взгляды. Гриша в новом модном костюме с ней рядом тоже притягивает взоры. Но теперь уж Ульяна знает, бояться нечего.

Молодожены во главе стола сели, чтобы видели их все, все поздравить могли, речь сказать. Голова у Ульяны слегка кружиться, от вина и от сладостного предвкушения. Одно радость омрачает – Гриша пьет рюмку за рюмкой, почти не закусывая, пьянеет быстро... Смотрит уже хмельными глазами, хорошо, что сидит, стоял, так упал бы уж. Не нравится это Ульяне, но она улыбается. Да и грех переживать – свадьба же. Светка подошла сзади, шепчет:

– Что это с Гришкой? Захмелел-то как... Того и гляди в тарелку упадет... Вот развезло. От счастья, что ли?

Нахмурилась Ульяна – чего лезет? Посмотрим, как на ее свадьбе жених себя вести будет. Напился и напился, ее какое дело? Ответила резко, раздраженно.

– От счастья, от чего еще? Шла бы лучше за Витькой смотрела, чем за чужим мужем приглядывать, вон он с Лизкой

хихикает... – ударила по больному.

Светка передернула плечами, ушла. Ульяна положила Грише салат на тарелку.

– Поешь, Гриш.

Тот осоловело помотал головой. Ульяна подавила вздох разочарования – не будет у нее сегодня ночи. Упрямо трянула волосами, ну и пусть! Не последняя чай, ночь, еще будут, успеют насладиться друг другом. Спешить некуда, жизнь, она длинная.

Под покровом темноты взяла Гришу под руку, пока еще на ногах стоит, увела домой, где брачное ложе загодя приготовила. Белье кружевное, белоснежное, даже ложиться жалко, подушки, словно облака на небе, воздушные, мягкие.

Дома от духоты Гришу еще сильнее разморило, он только через порог переступил, даже раздеться не смог, так на кровать и рухнул, примяв под себя всю красоту, и тут же захрапел. Разделась Ульяна, платье аккуратно в шкаф повесила, слезы душат, она их сдерживать пытается, а они сами льются. Да что же это такое? Неужели смерть Галины так на него подействовала, что никак в себя не придет? В таком случае Ульяна очень бы хотела, чтобы жива была сейчас Галина, посмотрела на ее триумф, позавидовала. Лучше бы она уехала, чем умерла, но жизнь заново не перепишешь, а смерть тем более. Легла Ульяна рядом с новоиспеченным мужем, глаза закрыла, не заметила даже, как уснула.

Проснулась от того, что дышать не может, что-то боль-

шое давит на нее, душит, почувствовала резкую боль внутри себя, вскрикнула, глаза открыла. Гриша разделся и лежит на ней, сопит, дышит тяжело. Лицо красное, напряженное. Вчерашний конфуз исправить пытается, догадалась Ульяна, наверстать упущенное хочет. Боль внутри нарастает, а Гриша и не думает успокаиваться, все грубее и резче его движения, все сильнее сжимает он плечо Ульяны – неужели это и есть любовь? Близость? Гриша застонал и обмяк, скатился на бок и лежал, закрыв глаза.

Не так Ульяна представляла себе их первую ночь. А тут как у кошек – прыгнул, сделал свое дело, и к стороне. Внизу все горело, низ живота жгло, Ульяна боялась пошевелиться. Гриша открыл глаза, сполз с постели, прошлепал босыми ногами по полу на кухню. Ульяна услышала, как он жадно пьет воду, делая большие глотки. Потом Гриша вернулся, отбросил рывком одеяло, задрал ей рубашку нежного розового шелка, увидел кровь на простыне, удивился:

– Ты целка, что ли? А я-то думаю, что-то тяжело идет... прости, не разобрал с похмелья.

Ульяна от обиды и стыда чуть сквозь землю не провалилась. Вот он значит как! А она, дура, берегла себя, хотела преподнести свой дар на блюдечке, думала, оценит, крепче любить будет. Слезы хлынули сами собой, Ульяна прикрыться хотела, но Гриша не дал, снова забрался на нее с недоброй улыбкой, вошел грубо, одним движением, словно кобылу покрыл. Как закончил, слез, одеяло на нее набросил, смягчил-

ся немного:

– Ну, что ревешь? А ты чего хотела? Не понравилось? Ничего, привыкнешь, как распробуешь, за уши не оттащишь. Сама еще просить будешь. В первый раз всегда так, не тужуйся. – Он похлопал Ульяну по ноге, закрытой одеялом. – Похмелиться нет ничего? Сушит...

Ульяна помотала головой, отерла слезы. Может, и правда, так у всех? И чего она разревелась? По второму-то разу уже не так противно показалось...

– К людям выйти надо, второй день ведь... Там и похмелишься.

– И то верно, пойдем, одевайся. – Гриша обернулся на стук в окно. – Ряженные уже скачут...

Ульяна набросила платье, тоже заранее заготовленное по этому случаю, туфли новые надела, наскоро сполоснула лицо холодной водой, убрала волосы. Вышли они с Гришей во двор, пошли по деревне, Ульяна мужа под руку держит, здоровается со всеми.

Столы уж заново накрыли, Гриша сел, сразу за стопку схватился, опрокинул в рот, но теперь закусил. Пить много не стал, чему Ульяна порадовалась – может, хоть сегодня все хорошо пройдет?

В самый разгар веселья крик раздался. Соседский мальчишка бежал с выпученными глазами:

– Утопленника нашли! В камышах! Раздулся совсем, страшный, ужас! – Мальчишка круглил глаза, показывая

всем видом, что вид у утопленника жуток.

Гармонист дядя Ваня бросил играть, кумушки притихли.

– Не бреш! – мать мальчишки сурово посмотрела на него, но тот не опустил глаз.

– Правда, иди, сама посмотри, он там лежит. Участковый туда пошел!

– Вот те раз! – дядя Ваня свел меха, и гармонь жалобно скрипнула. – Опять утопленник!

Ульяна поперхнулась, а Гриша словно онемел, побледнел весь, вытянулся на стуле.

– Что за утопленник? – Голос у Гриши дрожит от волнения. – Мужик или баба?

– Мужик, только разложился весь почти, рыбы обгрызли...

– Фу ты страх какой! – бабы начали креститься. – Из наших?

Мальчишка развел руками.

– Вроде нет, не поймешь.

– И то правда, разве у нас кто пропадал? Все на месте... – Кто-то даже испустил смешок. – Приблудился, значит.

Дядя Ваня опять заиграл, но веселье сломалось. Настроение испортилось, начали расходиться. Ульяна помрачнела – как-то коряво их жизнь начинается, наперекосяк. Посидели еще с горсткой гостей за столом и тоже домой пошли. Гриша молчал всю дорогу. Дома щей похлебал, и спать улегся, устал. Ульяна вышла во двор, села на лавочку и задумалась.

Так вот ты какая – семейная жизнь... Но любовь к Грише не прошла, даже наоборот, вспыхнула с новой силой – ее он теперь, а она его. Наносное все это, пройдет, утихнет тоска, не на век же она.

Гриша проснулся, вышел из дома, сел рядом, обнял за плечи нежно, как раньше. Ульяна голову ему на плечо положила, вздохнула. Ну вот, совсем как у ее родителей. Волна благодарности затопила ее с головы до ног, она прижалась теснее. Так и просидели до ночи, целовались, как в пору жениховства. Гриша снова слова зашептал на ушко, и среди прочего Ульяна уловила одно, долгожданное – «прости, любимая...»

С покойником все не так просто оказалось. Следователь опять приехал, труп увезли, а потом участковый сказал, что это как раз тот парень был, которого Гриша узнал на празднике Ивана Купалы. Тот сынок хозяйский, из-за которого Гришина с Галиной любовь закончилась. Сынка звали Дмитрием, это Ульяна уже от людей узнала. Погиб в тот же день, что и Галина, только нашли не сразу, поэтому труп был так обезображен – рыба ведь тоже есть хочет, а что есть, ей все равно. Человек для нее просто пища, ничего более. Говорили, что будто на шее у него рана, как от укуса, и на голове, видимо ударили чем-то тяжелым. Но точно сказать трудно, потому что времени много прошло, процессы разложения далеко зашли. В городе вскрытие делали, участковый сказал,

умер от утопления, захлебнулся. Опять пошли разговоры, но так же быстро захлебнулись – от отсутствия информации и улик, как участковый не скажет. Впрочем, версий, кроме как потустороннего происхождения, особенно и не было. Да и обсуждали вяло – Галина давно в земле, а Дмитрия никто не знал. Казалось, что мать Галины, Надежда, что-то знает, но она молчала, как рыба, отрещивалась. На том и успокоились. Пусть милиция думает, ей за это деньги платят.

Ульяна хоть труп и не видела, но почему-то ужасно расстроилась. Ей стало вдруг отчаянно жаль этого неизвестного ей Диму, погибшего в молодом возрасте непонятно за что. Только и оставил после себя, что разложившийся кусок плоти да парочку мыслей. Втайне от мужа она проревела целый вечер, и затухшая было ненависть к Галине, невольной виновнице всего этого кошмара со смертями, вспыхнула в сердце Ульяны с новой силой.

Из-за этого случая начавшаяся будто налаживаться жизнь Ульяны вновь разваливаться начала. Не так, как сначала, а медленно, исподволь. Ульяна оказалась хорошей хозяйкой, в доме всегда чисто, прибрано, еда готова. Мужа с работы встретит, накормит. Огород, правда, не любила, занималась им чрезвычайно неохотно, но тут Гриша на помощь приходил – копал, урожай собирал, в погреб стаскивал, к зиме готовился. Пить перестал, но ходил невеселый. Грубым не был, но Ульяна кожей чувствовала охлаждение. Бывало, придет с работы, слова не скажет – телевизор включит, уставится,

будто смотрит, а глаза пустые, неподвижные, думает о чем-то своем. Ульяна подойдет, подластится, он улыбнется вымучено, скажет, что устал. А то вовсе ночевать в леспромысле остается, говорит, на автобус опоздал. Ульяна не настаивает, она терпеливая, измором его возьмет, любовью да лаской отогреет. Чувствует ее сердце червоточину какую-то, но трудно понять, откуда беда идет. А, может, и не беда это вовсе? А так, причуда, блажь? Хочется молодой жене, чтобы муж ее вниманием окружал, заботой, денно и ночью, но жизнь другого требует. Вроде и не ругаются они, не ссорятся, но отчуждение остается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.